

Сергей МАРКЕЛОВ*г. Петрозаводск*

Ладони

рассказ

Когда мы убивали комаров, там отрывало лапки кошкам и крылышки птицам. Искалеченные дети и искалеченные судьбы...

До недавнего времени я не имел представления о мире. Все, что показывали по телевизору, — лишь о войне. Только спустя много лет я узнал, как жили там. Еще во время учебы в университете нам демонстрировали тот знаменитый сюжет, в котором на фоне палящих орудий журналист рассказывает о последних событиях в каком-то ином, параллельном мире — мире, который вся страна наблюдала через экраны телевизоров. Через искаженную иную реальность, которую создавали долгие годы государство и средства массовой информации.

Телевидение вообще оставило во мне какой-то странный след о тех годах. С экрана телевизора — я хорошо запомнил — показывали горящий Белый дом и танки на улицах Москвы.

— Мама, — спросил я тогда, — а что, война началась?

— Не знаю, — ответила она.

Она действительно не знала. Никто не знал. А война началась, но чуть позже. Тогда же с экранов телевизоров потусторонняя реальность стала входить и в чьи-то дома, квартиры. Вот где-то из соседнего подъезда кого-то выносят. Траурный марш, куча народу... А мы вливаемся в процессию и пытаемся осознать смерть, но как-то

не получается. Непонятны все эти слезы, хочется радоваться жизни, веселиться, познавать мир. Когда на углу дома умирает человек, а его сын битый час делает то синему, то бледнеющему отцу искусственное дыхание — эта реальность как-то ближе и понятнее. И так органично вписывается в нее подвыпившая медсестра, вываливающаяся из «буханки» со шприцем в руке и со словами «Уже поздно!».

Но вот на соседней улице в каком-то доме раздается душераздирающий вопль. Его услышат только стены и соседи. Это кого-то в очередной раз забрала война. И их эта реальность не касалась, она не здесь, а по ту сторону, в чьих-то чужих семьях и судьбах. Все мы знали, что идет война, но шла она как бы в большом мировом кинотеатре, где всем нам показывали один и тот же непрекращающийся сюжет, пытаясь оправдать бессмысленность всего, что происходило в те годы.

Бессмысленность... Это слово, как назойливый рой пчел, постоянно витало в воздухе. Все знали, что смысла нет, но все воевали. Все смотрели телевизор, все жалели молодых ребят...

Десять лет прошло, как я родился. Мы тогда жили в военном городке. В воздухе витала солнечная предвечерняя патока. Медленно и густо она стекала солнечными лучами по серым стенам домов. Вдруг люди высыпали на улицу. Все до единого, казалось, выбежали на забрызганные солнечными лучами тротуары и подняли

головы вверх — в синее, намагниченное теплом небо, по которому плыли пушистые облака. А затем вдали послышалось гудение пропеллеров. Очень многие здесь ждали этого гудения. Многие месяцы ожидания для кого-то закончились с этим гудением. Для кого-то, наоборот, лишь прерывающимся тревожным гудением в сердце они закончились раньше.

И все же, обгоняя размеренный ход облаков, на небо вскарабкались тяжелые тушки вертолетов. Они горделиво урчали своими пропеллерами, а завидев нас, людей, которые так ждали этих огромных железных насекомых, начали покачиваться из стороны в сторону, как воин-дикарь виляет бедрами в зловещем танце победителя. Хотя нет, то был не танец победителя, а скорее танец жизни, танец радости — ведь вернулись! Вернулись живыми! И один за другим они проносились по расчистившемуся небу, и каждый обязательно хоть пару раз вильнул своим тяжелым боком. Внизу толпа ликовала. Люди кидали вверх воображаемые шапки, цветы, посылали воздушные поцелуи. Нет, это не победители и не побежденные неслись по небу — то души погибших доставляли выживших домой.

Так закончилась для нас первая война, а на экранах телевизоров наступил мир. Но продлился он недолго, да и был он, похоже, разве что там, за гудящим стеклом лампового ящика. Ведь совсем скоро прогремят взрывы в Москве, Волгодонске и Буйнакске.

Спустя почти двадцать лет я увидел наконец, что и тогда, давно, мир все-таки был. Его не было в выпусках новостей, не было у Рогожкина, у Невзорова. Но он был в фильме талантливого карельского журналиста Александра Колобова. В том фильме люди не только воевали, но и жили. Я впервые увидел дырявые проплешины домов, почерневшие изразцы окон с выбитыми стеклами, людей, на лицах которых навсегда отпечаталась война. И среди этих развалин, как ни странно, своя жизнь — люди ходят, продают что-то, вот женщина наклонилась и моет в луже сапоги, не брезгуя, опускает руку в грязную воду. Что там лужа, когда вокруг смерть облизывает языком жизнь, когда даже здания не в силах ей противостать. Вот солдат в интервью говорит: не понимаю, кому и зачем это нужно? Но приказ есть приказ. Так глупо и бессмысленно. Оператор, который снял этот фильм, сказал мне, что мно-

гим, по отзывам, не хватило в нем войны и стрельбы — то есть зрелища. Не знаю, как другим, а мне войны хватило за те годы, что я рос. Пусть и видел я ее только по телевизору.

А потом война пришла и в нашу дружную компанию. В нашу дружную компанию пришла вторая кампания — такой вот неприятный, кособокий и какой-то даже корявый каламбур...

2

Мы были чуть старше десяти. А это — целая жизнь. Год — за десять. Каждый день наполнен событиями. И, кажется, только в нашем дворе были старшие «воспитатели» — ребята, которым впору зажимать девчонок по углам и пить водку (были и такие). Они играли вместе с нами в снежки, заливали горки водой и катались с них зимой на куске картона, ходили с нами на каток. Несется детвора, человек десять — врассыпную, а за ними трое великовозрастных балбесов. Кого поймают — несдобровать. Замучают. Но ходишь потом довольный, если выдержал их бычьи ужимки, не выдал местоположения товарища. Так играли в «казаки-разбойники».

А вот бывало следом за тобой с горки летит вперед ногами сорок пятого размера лавинообразный здоровенный детина с руками-лопатами и добрыми глазами. Врезается нечаянно тебе в спину так, что дыхание перехватывает и несколько секунд кажется, что умираешь, что никогда уже не вдохнешь. А тот сам перепугался, склонился над тобой, поднимает. Через несколько минут, когда слезы высохли на обмороженных щеках, катаемся дальше. Но тот, здоровенный, уже впереди. Волосы светлые, глаза голубые, руки почему-то постоянно синие.

— Жень, — спросил я у него однажды, — а чего у тебя руки как у мертвеца?

— В смысле? — не понял он.

— Ну, ты посмотри на ладони, — ответил я.

И мы все вместе смотрим замороженно на Женькины ладони. Они большие, просто огромные, отчего-то синюшного цвета и покрытые на холоде каким-то беловатым налетом. Точно — мертвец.

— Блин, правда, — засмеялся Женья.

Смеемся и мы.

Женька Белов был нашим дворовым пиротех-

ником. Жил он с мамой и бабушкой. Об отце его не знал никто. Очень много времени проводил с ребятами. У Андрея питерского дедушка работал на железной дороге и приносил иногда оттуда какие-то красные «блины» размером с консервную банку. Только тоньше раза в три. Так вот Женя каким-то образом подсоединял к этим блинам проводки, и мы всем двором шли за здание санэпидемстанции, что располагалась за домом, на месте старого кладбища, где теперь растут высокие березы и тополя. Там мы, чумазые, плавил свинец вместе с тем же Женькой. Там закапывали этот блин, отходили на почтительное расстояние, разматывая провода, как заправские подрывники. Белов замыкал контакт, и... ба-бах!!! Ни одна китайская петарда, которые заполнили в те годы все магазины, не могла сравниться по силе взрыва с этим странным и непонятым «блином» красного цвета. А по гамме эмоций, что возникали у нас, когда мы неслись оттуда сломя голову, чтобы не засекали, — и подавно. До сих пор не знаю, что это такое. Уже позже Женька умудрился соорудить пульт, который он подсоединял все к тем же «блинам», и взрыв становился еще красочнее. За возможность нажать на заветную кнопку мы были готовы даже поссориться друг с другом и не разговаривать несколько дней — лишь бы самому, лишь бы собственноручно... Доходило и до драки.

Ну а на Новый год у нас была традиция. Все тот же дедушка с той же работы приносил сигнальные свечи, которые горели очень долго странным зеленым свечением. После него всё вокруг, источающее свет, тоже окрашивалось бледно-зеленым. Для дворовой детворы примерно через полтора-два часа после наступления Нового года начинался «крестный ход». С этой самой свечой мы наворачивали круги по нашему заросшему вишней, черемухой, березами и тополями зимнему двору. И всегда где-то во главе процессии возвышающейся громадой шел наш Женя Белов. Всегда с нами. В то время, когда все его сверстники меняли малолетних шалав за бутылкой портвейна, который я сам попробую только года три-четыре спустя, он ни разу, кажется, не злоупотребил алкоголем. Никто ни разу не видел его даже выпившим. Когда многие из тех, кто поначалу так же сновал с нами из одного дворового угла в другой, уже дышали парами бензина или клея, покупали не раз самогон и медленно себя

уничтожали, Женя Белов с большим удовольствием учил нас, малолеток, карточным играм.

Частенько к нам присоединялся его хороший друг — хромой на обе ноги в результате, кажется, какой-то родовой травмы. Будущий священник. Тогда он еще учился в семинарии. Поскольку я один из немногих любил играть в шахматы, то мы частенько устраивали за дворовым столом партейку-другую. И где-то рядом всегда был Женька. То уйдет незнамо куда, то придет. Чем он занимался, где учился — я не помню, да и, кажется, никто об этом не знал. Мы просто радовались жизни, принимали каждый прожитый день с удовольствием, веселились. Школ и университетов в те сладостные моменты для нас не существовало.

Спустя несколько лет этот его друг стал священником. А еще чуть позже вместе с женой он разбился на машине. Они похоронены рядом с часовней и могилой Настеньки, местной святой, на Екатерининском кладбище. На память о нем у меня оставалась книга — сборник различных игр на все случаи жизни. Недавно я подарил ее своему товарищу. А вот от Женьки Белова у нас остались только воспоминания.

Ведь та война из параллельной вселенной все ближе подступала к нам. В 1999-м началась вторая Чеченская кампания. Чуть раньше Женю Белова забрали в армию. Тогда еще служили два года, после учебки он решил заработать — согласился отправиться в «горячую точку».

В конце лета я уехал домой, на север. В сентябре как раз должен был вернуться наш солдат. Он и в армии стал сапером — наверно, те самые красные «блины», словно отсвет планеты Марс, сыграли свою роль. Ему оставалось служить всего месяц...

Долгие гудки. Тогда еще звонили с домашнего на домашний.

— Ал-ле, — ответил, скребя по трубке, старушечий голос.

— Здравствуйте. Аню можно? — попросил я.

— Минуту.

В трубке зашуршало. Шаги, голоса, шаги...

— Алле!

— Привет!

— Ой, привет!!! Как ты?

— Все хорошо. Вот решил позвонить...

— А я уж думала, не позвонишь. После того, как мы...

— Да ладно. Не вспоминать же всю жизнь.

— Ну да. А ты скучал?

— Возможно. А ты?

— Я скучала. По нашим старым прогулкам. По теплым летним вечерам. За все лето ты так ни разу и не зашел.

— На то были причины.

— Да. Я знаю, я сама виновата. А помнишь, как ты спросил, почему так получается? А я ответила, потому что у тебя ноги короткие. Помнишь?

— Помню...

— Ты тогда страдал.

— Да уж. От неразделенной любви. Хм. Совсем забыл, а Женька-то вернулся?

— Ой, а ты не знаешь ведь?

И голос погрузнел. И дыхание участилось и взволновалось, взвинтилось над телефонным динамиком.

— Это, знаешь, какой-то кошмар. Он погиб.

— Как это?

— Не знаю, точно никто не говорит. По слухам, шла колонна и одна из машин подорвалась, то ли ее обстреляли. По другой версии, ему оставалось пару недель до дома и его что-то там отправили разминировать. Ну и... В общем, хоронили мы его всем двором. Маму его жалко. И бабушку. Совсем одни остались. Цветов на могиле было уйма. Мама... Лица нет... До сих пор не могу поверить, что Женька...

Тогда та война и приблизилась к нам вплотную. Я в то время отдалился на почтительное расстояние первым — мы переехали в Североморск. Но остальные столкнулись с ней совсем близко, потому как это ведь и есть война, когда хоронят тех, кого ты знал. И ни выстре-

лы, ни взрывы, ни обстрелы, нет — а та колонна, что собралась, но на этот раз не у новогодней сигнальной свечи — то проводили в последний путь Женю Белова.

Многие его сверстники, те самые, кто в то время не выпускал бутылку из рук, живы до сих пор. Большинство до сих пор ее и не выпускают. И уж о том, что такое «горячая точка», не ведают, зато знают, что такое «белая горячка». А Женя хотел просто немного заработать. Возможно, для мамы. Возможно, для себя. Кто теперь об этом думает? Особенно когда, покачивая цинковыми боками, он вернулся, как когда-то возвращались тяжелые вертолеты. Что он там делал: убивал ли, воевал — не воевал? Мы никогда об этом не узнаем.

Был, оказывается, мир. Хоть все это время у нас не прекращалась на экранах телевизоров и в наших головах война. И не только у нас, но и там, как оказалось, он тоже был. У каждого была своя война и свой мир. Значит, похоже, нет победивших и нет побежденных... Есть только выжившие и погибшие.

Но мне почему-то больше запомнились не взрывы и артобстрелы, что крутили по телевизору, не закопанные в землю пленные, не разрушенные дома, что я увидел уже позже, и не здоровенная лужа под мостом где-то в центре Грозного, где взорвали какого-то генерала. И не знаменитые интервью с Басаевым, нет.

Мне запомнились ладони. Синеватого цвета под пасмурным, холодным осенним небом, обветренные, большие, как лопасти вертолета, ладони.

□

Сергей МАРКЕЛОВ

родился в Мурманске в 1986 году.

Окончил филологический факультет ПетрГУ.

Журналист,

работает корреспондентом ГТРК «Карелия» (Россия-1).

Финалист конкурса «Северная звезда-2012»,

лауреат конкурса «Северная звезда-2013»

в номинации «Проза».

Живет в Петрозаводске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

